

A romantic couple is shown in a close embrace, nearly kissing, under the shade of a large, leafy tree. The scene is bathed in the warm, golden light of a setting or rising sun, which creates a soft, hazy atmosphere with visible lens flare. The couple is positioned on the right side of the frame, with the tree's trunk on the left. The overall mood is intimate and nostalgic.

Наталья LOVE

Отпуск в деревне
или
Здравствуй, первая любовь...

LOVE Наталья
Наталья LOVE

Отпуск в деревне или
"Здравствуй, первая любовь"

<https://litres.ru/74334727>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алёна привыкла, что её дни похожи друг на друга, как страницы одного и того же отчёта: будильник в 6:45, кофе на ходу, метро, где все смотрят в телефоны, офис с ровным гулом кондиционеров и клавиатур, обед из контейнера, который она забывает разогреть, и дорога домой, где уже не остаётся сил ни на что, кроме чашки чая и сериала, который смотришь, не замечая сюжета.

Ей было двадцать восемь, но в последнее время она всё чаще ловила себя на мысли, что чувствует себя гораздо старше — не телом, а тем внутренним напряжением, которое не отпускало даже по выходным. В зеркале она видела девушку с аккуратными чертами лица, русыми волосами, собранными в строгий хвост, и глазами, в которых всё чаще мелькала усталость. Но если присмотреться, в этих глазах ещё пряталась та самая детская искорка — будто где то глубоко внутри жила девочка, которая

когда то бегала босиком по росистой траве и верила, что лето длится вечно.

Содержание

Вступление	5
Глава 1	9
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Наталья LOVE, LOVE Наталья Отпуск в деревне или "Здравствуй, первая любовь"

Вступление

Алёна привыкла, что её дни похожи друг на друга, как страницы одного и того же отчёта: будильник в 6:45, кофе на ходу, метро, где все смотрят в телефоны, офис с ровным гулом кондиционеров и клавиатур, обед из контейнера, который она забывает разогреть, и дорога домой, где уже не остаётся сил ни на что, кроме чашки чая и сериала, который смотришь, не замечая сюжета.

Ей было двадцать восемь, но в последнее время она всё чаще ловила себя на мысли, что чувствует себя гораздо старше — не телом, а тем внутренним напряжением, которое не отпускало даже по выходным. В зеркале она видела девушку с аккуратными чертами лица, русыми волосами, собранными в строгий хвост, и глазами, в которых всё чаще мелькала

усталость. Но если присмотреться, в этих глазах ещё пряталась та самая детская искорка — будто где-то глубоко внутри жила девочка, которая когда-то бегала босиком по росистой траве и верила, что лето длится вечно.

В офисе Алёну считали надёжной и спокойной: она никогда не срывалась, не спорила без причины, всё делала вовремя. Коллеги шутили, что у неё «внутренний таймер», а начальник ценил её за то, что она не задаёт лишних вопросов и не просит поблажек. Но сама Алёна иногда чувствовала, что эта надёжность становится клеткой: будто она так привыкла быть удобной, что почти забыла, чего хочет на самом деле.

И вот наконец настал день, когда она решилась. Не на какой-то громкий поступок, а на тихий бунт против собственной рутины: Алёна взяла отпуск и собралась в деревню, где когда-то жили её родители. Дом стоял пустым уже пару лет — после того как мама ушла, папа не смог там оставаться, а потом и сам переехал в город, поближе к Алёне. С тех пор дом будто затаил дыхание, ожидая, когда кто-нибудь снова переступит его порог.

Сборы начались с вечера. Алёна достала с верхней полки старый чемодан — тот самый, с потёртыми углами, который ещё помнил поездки на море, когда она была подростком. Сначала она пыталась складывать вещи аккуратно, по списку: футболки, джинсы, лёгкая кофта на вечер, пижама. Но потом поняла, что список делает всё слишком деловым, будто она едет не в родной дом, а в командировку. И тогда

она остановилась, закрыла глаза и попыталась вспомнить, что брала с собой в детстве, когда лето только начиналось.

Она положила в чемодан льняную рубашку, которую купила на ярмарке и так ни разу не надела — ей казалось, что в городе она выглядит слишком просто, слишком «деревенски». Теперь эта рубашка вдруг стала самой нужной вещью. Добавила ещё одну: старую, мягкую, которую не жалко было бы испачкать или прожечь у костра. Взяла резиновые сапоги — они стояли в углу прихожей, забытые, но родные. И ещё — вязаный платок, который мама когда-то накинула ей на плечи в прохладный вечер: Алёна не носила его в городе, стесняясь, что он выглядит слишком подомашнему, но сейчас сжала его в руках и почувствовала, как внутри что-то тихо оттаяло.

Отдельно она собрала маленькую коробку с вещами, которые хотела взять именно туда: старый альбом с фотографиями, где она маленькая сидит на заборе, а рядом — папа с улыбкой, от которой сразу становится тепло; любимую чашку с отбитым краем, которую мама всегда оставляла для неё; и маленькую деревянную лошадку — игрушку, которую она нашла в сарае в один из приездов и забрала с собой, потому что ей казалось, будто в ней живёт кусочек детства.

Перед самым отъездом Алёна долго стояла у окна, глядя на городские огни, которые казались ей сегодня слишком яркими и слишком холодными. Она вдруг поняла, что боится. Не темноты или заброшенного дома — а того, что, вернув-

шись туда, она почувствует такую острую тоску по родителям, по тому времени, когда всё было проще, что не сможет потом снова встроиться в этот городской ритм. Но в то же время она знала: если не поедет сейчас, эта тоска будет жить в ней всегда, тихо подтачивая изнутри.

Утром она вышла из дома с чемоданом, который казался тяжелее, чем был на самом деле, — будто в нём лежали не вещи, а воспоминания. На вокзале она купила билет, села в электричку и, глядя в окно на мелькающие пейзажи, впервые за долгое время почувствовала, как с плеч будто сползает тяжёлый плащ. Город оставался позади, уступая место полям, лесам и тихим станциям, где люди выходили, чтобы снова оказаться среди своих.

Алёна закрыла глаза и тихо прошептала, будто проверяя, как звучат эти слова сейчас:

— Я возвращаюсь.

И в этом «возвращаюсь» было не только про дом. Это было про неё саму — про ту девочку, которая где-то внутри всё ещё ждала, когда её вспомнят.

Глава 1

Электричка остановилась с привычным вздохом тормозов, будто сама устала от долгой дороги. Алёна вышла на пустую платформу, и первое, что она почувствовала, — не запах травы и не тепло солнца, а тишину. Она была такой плотной, что в городе Алёна бы её испугалась, а здесь она легла на плечи, как старый плед: тяжёлая, но уютная.

Деревня будто замерла в полуденном зное. Дома стояли, слегка наклонившись друг к другу, будто перешёптывались о том, кто вернулся, а кто уехал навсегда. Дорога к родительскому дому шла через поле, по краю которого тянулась покосившаяся изгородь. Алёна шла медленно, чемодан оттягивал руку, а в груди всё сильнее сжималось странное чувство: будто она идёт не просто по тропинке, а по собственной памяти.

Калитка скрипнула так знакомо, что у Алёны дрогнули пальцы. Дом стоял тихий, будто затаил дыхание. Краска на ставнях облупилась, крыльцо чуть просело, но окна по-прежнему смотрели на мир ровно, без упрёка. Это был не чужой дом — это был дом, который ждал.

Алёна поднялась по ступеням, вставила ключ в замок, и тот поддался не сразу, будто не хотел впускать: «Ты уверена, что готова?» Она толкнула дверь, и в лицо ей пахнуло пылью, деревом и тем особенным запахом старого дома, кото-

рый невозможно спутать ни с чем.

Внутри было темно и прохладно. Солнечные лучи пробивались сквозь щели в ставнях, подсвечивая танцующие пылинки. Алёна поставила чемодан, сняла куртку, которую зачем-то надела, хотя на улице было жарко, и тихо сказала в пустоту:

— Я приехала.

И тут же испугалась собственных слов: они прозвучали слишком громко, слишком отчаянно, будто она пыталась убедить не дом, а себя, что имеет право здесь быть.

Страх накатил неожиданно, как волна. Алёна вдруг поняла, что боится не пауков в углу и не скрипучих половиц. Она боялась, что не сможет здесь остаться. Что через два дня ей станет невыносимо тихо, захочется кофе из ближайшей кофейни, новостей в ленте и хоть какого-то городского гула. А ещё страшнее было другое: что дом начнёт говорить с ней голосами родителей, и она не выдержит этого разговора.

Она присела на старый стул у окна, обхватила себя руками и прошептала:

— Просто день. Один день. Если завтра станет невыносимо — уеду.

Но уезжать не хотелось. Хотелось просто посидеть, привыкнуть, дать себе время.

К вечеру Алёна решилась открыть окна, чтобы впустить воздух и свет. Ставни заскрипели, будто ворчали на то, что их так долго держали закрытыми. Она вышла во двор, огля-

дела заросший сад, покосившийся сарай и вдруг поняла, что одной ей тут не справиться: нужно было подправить забор, убрать сухую траву, проверить, не течёт ли крыша. А она даже не знала, где лежат инструменты.

Пока она стояла, прикидывая, с чего начать, из-за угла дома вышел парень. Высокий, загорелый, в простой футболке и с ведром в руке. На вид ему было лет двадцать пять. Он остановился, будто сам не ожидал кого-то здесь увидеть, и на секунду они просто смотрели друг на друга: она — с тревогой, он — с осторожным любопытством.

— Ты... Алёна, да? Дочь Ирины и Сергея? — спросил он наконец, и голос у него был спокойный, без лишней суеты.

Она кивнула, чувствуя, как внутри чуть отпускает напряжение: он её помнит.

— Я Миша. Мы с тобой в детстве чуть не утонули в речке, потому что ты решила, что умеешь плавать, а я решил, что обязан тебя спасти, — он чуть улыбнулся, и эта улыбка была не насмешливой, а тёплой, будто он сам радовался, что вспомнил эту историю. — Ну, точнее, мы просто упали по колено в воду и испугались.

Алёна рассмеялась — тихо, будто боялась, что смех здесь неуместен, но он всё равно вырвался:

— Я помню. Ты потом неделю ходил и говорил всем, что ты герой.

Миша поставил ведро, пожал плечами:

— Ну, героем быть приятно. Особенно в десять лет.

Они помолчали, и в этой тишине не было неловкости — скорее, какое-то тихое узнавание.

— Дом, конечно, за пару лет одичал, — сказал Миша, оглядывая двор. — Но не запущен. Просто... ждал.

Алёна вздохнула:

— Я не знаю, с чего начать. И вообще... боюсь, что не смогу тут остаться.

Он не стал говорить «да брось, всё просто» или «ты справишься». Вместо этого он просто кивнул, будто принял её страх как что-то настоящее и важное:

— Это нормально. Тут тишина другая. Она не как в городе, где тишина — это когда никто не шумит. Тут тишина — это когда слышно, как растёт трава. К ней нужно привыкнуть.

Потом он поднял ведро, будто это было самое естественное решение:

— Давай я помогу. Сначала самое простое: воду натаскать, траву убрать, чтобы ты могла спокойно ходить по двору. А дальше — посмотрим. Если через пару дней поймёшь, что это не твоё — никто не осудит. А если захочешь остаться — будем потихоньку всё приводить в порядок.

Алёна хотела сказать «не надо, я сама», но слова застряли в горле. Вместо этого она тихо произнесла:

— Спасибо. Честно. Я... правда не готова была к этому всему.

Миша кивнул:

— Тогда начнём с малого. Ты пока открой все окна, чтобы дом проветрился. А я пока с забором разберусь. Он ещё крепкий, просто притворяется, что разваливается.

Пока он возился с досками, Алёна ходила по дому, открывала шкафы, вытирала пыль и вдруг ловила себя на том, что уже не так сильно сжимает плечи. Миша что-то тихо напевал себе под нос, не стараясь казаться весёлым, а просто потому, что так ему было легче работать. Его присутствие не давило, не требовало ничего взамен — оно просто было, как свет в окне, когда на улице темно.

К закату они сидели на крыльце, пили воду из одной кружки — Алёна стеснялась предложить чай, а Миша не настаивал. Солнце садилось, окрашивая небо в тёплые оттенки, а тени от деревьев становились длиннее, будто обнимали дом.

— Знаешь, — вдруг сказала Алёна, глядя на закат, — я думала, что приеду и сразу всё вспомню. Как будто память — это шкаф, открыл дверцу — и всё лежит на своих местах. А оказалось, что воспоминания приходят по одному, тихо. И не всегда про радость. Иногда про то, как мама сердилась, что я опять пришла вся в траве, или как папа говорил: «Ну вот, опять наша Алёна ищет приключения».

Миша не стал её утешать. Он просто сказал:

— Пусть приходят. Дом ведь не музей, где всё должно быть красивым и правильным. Дом — это место, где можно и плакать, и смеяться, и просто сидеть, когда тяжело. Если хочешь, я могу приходить каждый день и помогать. Или мо-

гу не приходиться, если тебе нужно побыть одной.

Алёна посмотрела на него и вдруг почувствовала, как страх, который весь день сжимал грудь, чуть ослабил хватку.

— Приходи, — тихо сказала она. — Даже если просто посидишь и помолчишь. Мне... сейчас важно знать, что я не одна.

Миша улыбнулся — просто, без пафоса:

— Хорошо. Завтра принесу инструменты. И, может, пирог от бабушки. Она всегда печёт слишком много, а я не могу всё съесть.

Они ещё немного посидели, пока сумерки не легли на двор мягким покрывалом. Потом Миша ушёл, махнув рукой на прощание, а Алёна осталась на крыльце. Она больше не чувствовала себя гостьей. Она всё ещё боялась, что не справится, что дом окажется слишком тяжёлым, но теперь она знала: если станет тяжело, рядом будет человек, который не станет торопить и не станет жалеть.

Алёна встала, закрыла дверь, проверила, хорошо ли заперт замок, и пошла в комнату, где когда-то была её детская. Постель она застелила старым пледом, который нашла в шкафу. Он пах домом и детством, и от этого запаха на глаза навернулись слёзы — но теперь это были не слёзы страха, а слёзы того самого тихого облегчения, когда ты понимаешь: ты вернулась.

И пусть впереди было много работы и много воспоминаний, с которыми предстояло встретиться, сегодня она смогла

просто выдохнуть. И этого было достаточно.

Глава 2

Деревня не умерла. Она просто жила по своим правилам — не таким, как в городе, но от этого не менее настоящим.

Алёна проснулась резко, будто кто-то дёрнул за невидимую ниточку. Сначала она не поняла, где находится: комната была залита мягким утренним светом, на подоконнике лежала полоса тени от ставни, а воздух пах пылью, деревом и чем-то травяным, словно дом потихоньку вспоминал, как быть жилым.

И тут до неё донёсся звук — не городской, не привычный. Глубокое, протяжное мычание, будто земля сама выдыхала. Алёна встала, подошла к окну и увидела: по дороге, прямо мимо её калитки, шла небольшая стада коров. Впереди важно вышагивал пастух — пожилой мужчина в кепке, с длинным прутиком, которым он лишь слегка помахивал, скорее для порядка. Коровы шли неторопливо, будто знали, что спешить некуда, и каждая из них будто сообщала деревне: «День начался».

Алёна улыбнулась, сама не зная почему. В городе она бы раздражённо подумала: «Опять шум с утра», а здесь этот звук вдруг показался ей правильным — как первый аккорд в песне, без которого всё остальное не звучит.

Она заварила чай в маминой старой кастрюле — чайник нашёлся, но у него не работал свисток, и Алёна решила, что

это даже к лучшему: пусть всё будет тихо. Вышла на крыльцо, села на ступеньку, обхватила колени руками и просто слушала, как деревня просыпается: где-то залаяла собака, скрипнула калитка, женский голос позвал: «Лёшка, не забудь хлеб забрать!», а вдалеке кто-то звякнул ведром.

А ночью деревня раскрывалась с другой стороны.

Когда солнце село, и тени стали длинными, а воздух — прохладным, Алёна зажгла лампу, села у окна и вдруг услышала то, чего не ожидала: рёв мотоциклов, визг тормозов, смех, выкрики. Сначала ей стало не по себе: этот шум казался чужим, резким, будто кто-то ворвался в её тихое возвращение. Она подошла к окну, выглянула и увидела, как по главной улице, петляя и нарочно замедляясь у каждого дома, проносились мотоциклы и скутеры. На них сидели ребята, почти мальчишки, в шлемах и без, с горящими глазами и ощущением, что ночь принадлежит им.

«Вот оно, — подумала Алёна с лёгкой грустью. — Деревня не такая, какой я её помнила. Тут теперь тоже есть своя суета, свои гонки, свои тревоги».

Но потом она заметила другое: как у одного из домов на крыльце сидела женщина, смотрела на эту кавалькаду и улыбалась. Не раздражённо, а с каким-то тёплым пониманием. А когда мотоциклы пронесли мимо, она крикнула вслед: — Эй, тихо там! У людей дети спят!

И в этом крике не было злости — скорее, материнская строгость, которая держится на любви. И ребята, вместо того

чтобы огрызнуться, притихли, один махнул рукой:

— Тётка Маша, мы тихо! Просто день такой!

И уехали дальше, уже не так громко.

Алёна вернулась в дом, села на кровать и вдруг поняла: деревня не умерла — она просто стала другой. В ней по утрам шли коровы на пастбище, а по вечерам молодёжь гоняла на мотоциклах, потому что им нужно было куда-то девать эту молодую, звенящую энергию. И в этом тоже была жизнь.

На следующее утро Миша пришёл, как и обещал. С инструментами в старом рюкзаке и с пирогом, завернутым в полотенце.

— Бабушка сказала: «Если человек приехал в деревню и не ест пирог — значит, он не человек». Так что... держи.

Алёна рассмеялась:

— Спасибо. Я как раз думала, что мне не хватает чего-то такого... деревенского.

Они сели на крыльце, пили чай из одной кружки по очереди — Алёна уже не стеснялась этого, будто за один вечер деревня научила её, что здесь не нужно быть идеальной.

Миша отломил кусок пирога, задумчиво посмотрел на двор и сказал:

— Знаешь, многие думают, что деревня — это когда тихо и все сидят по домам. А она живая. По утрам коровы идут на пастбище — это как будильник для всей деревни. А по вечерам молодёжь на мотоциклах гоняет — это как пульс. Если пульса нет, значит, деревня умерла. А тут... тут всё бьётся.

Алёна кивнула, будто наконец услышала то, что ей нужно было услышать:

— Я вчера ночью испугалась этого шума. Подумала: «Всё не такое, как я помнила». А потом поняла: если бы было точно такое же, как в детстве, мне было бы страшнее. Значит, жизнь идёт.

Миша улыбнулся:

— Вот именно. Жизнь идёт. И дом твой тоже живой. Просто он ждал, когда ты вернёшься, чтобы снова начать дышать.

Они взялись за работу. Миша чинил забор, Алёна убирала сухую траву, складывала её в аккуратные кучки, а потом просто стояла и смотрела, как он работает: уверенно, спокойно, будто знает, что делает, и не торопится произвести впечатление.

В какой-то момент он остановился, вытер лоб рукавом и сказал:

— Слушай, если хочешь, я могу тебе показать, как тут всё устроено. Где колодец, где магазин, кто из соседей что знает. Тут все друг друга знают, и если ты будешь одна, они будут присматривать. Не потому что ты слабая, а потому что так тут принято: если кто-то вернулся — значит, ему нужно помочь встать на ноги.

Алёна посмотрела на него и вдруг почувствовала, как внутри что-то тихо встаёт на место:

— Да. Хочу. Хочу знать, как тут всё живёт. Хочу не быть

гостьей. Хочу быть своей.

Миша кивнул, будто это было самое правильное решение на свете:

— Тогда начнём с малого. Сегодня починим забор. Завтра сходим к колодцу. А потом... потом ты сама увидишь, как деревня потихоньку будет становиться твоей.

К вечеру они сидели на том же крыльце, уставшие, но довольные. Солнце садилось, окрашивая небо в тёплые оттенки, и деревня будто замедлялась: молодёжь уже не гоняла на мотоциклах, коровы возвращались с пастбища, и их мычание теперь звучало не как шум, а как обещание, что день прошёл не зря.

Алёна смотрела на этот закат и думала: «Я смогу здесь остаться. Не сразу, не легко, но смогу. Потому что деревня не требует, чтобы я была прежней. Она просто ждёт, когда я стану новой — такой, какой мне здесь удобно».

Миша встал, потянулся, посмотрел на дом и тихо сказал: — Завтра продолжим. А если ночью опять будут мотоциклы — не пугайся. Это не хаос. Это жизнь.

Он попрощался и ушёл, а Алёна ещё долго сидела на крыльце, слушая, как затихает деревня. И в этой тишине, в этом лёгком шуме, в этом мычании и далёком смехе она наконец почувствовала: она дома

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.